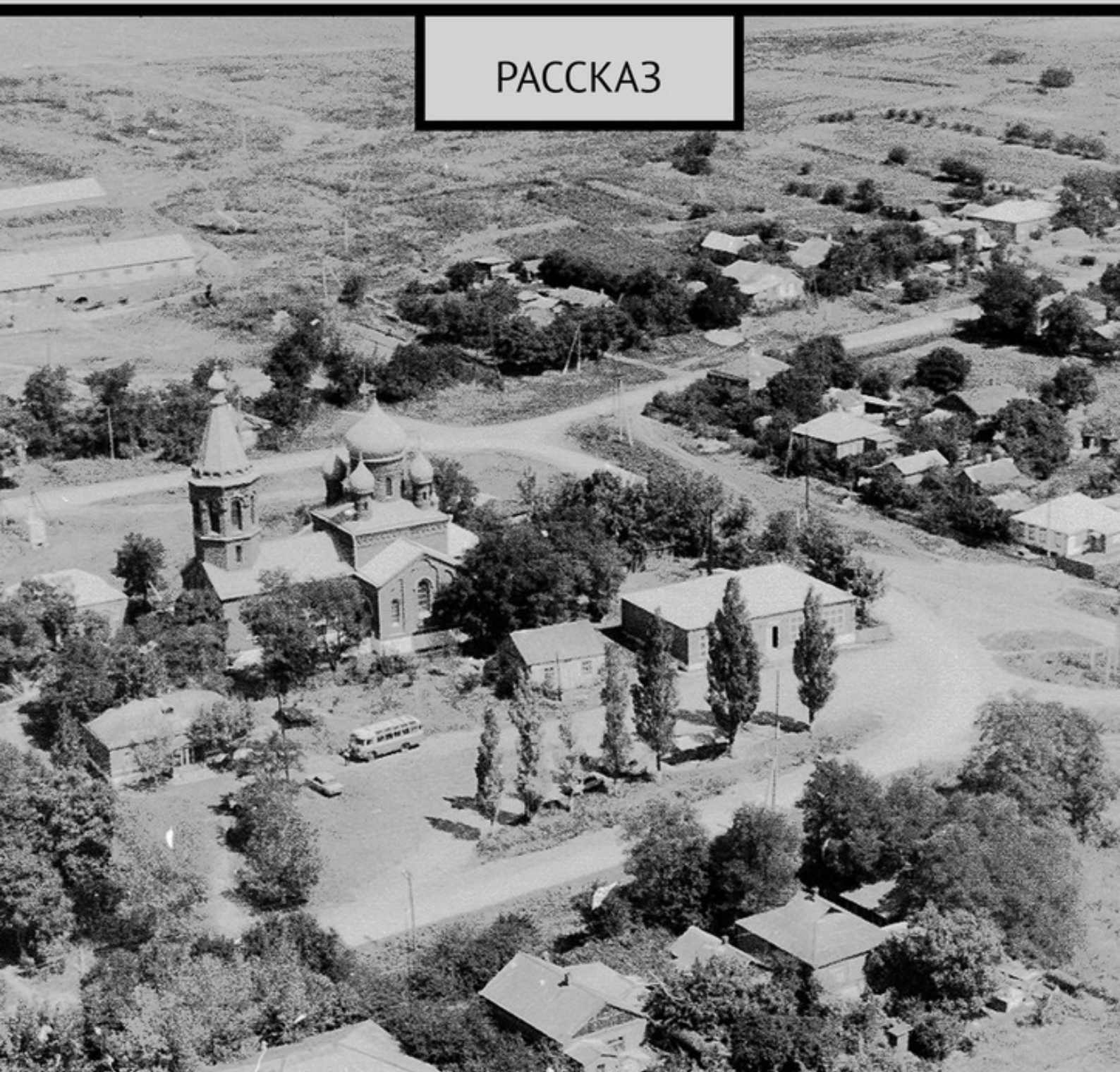

ВАЛЕРИЙ ЧЕСНОК

Хутор

РАССКАЗ

Валерий Чеснок

Хутор. Рассказ

«Издательские решения»

Чеснок В. Ф.

Хутор. Рассказ / В. Ф. Чеснок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937859-0

Бывает, малой родиной становится не то место, где родился и вырос. Родным, дорогим сердцу становится край, полный загадок, причём древних, которые разгадываешь всю жизнь. Так случилось со мной и моими героями.

ISBN 978-5-44-937859-0

© Чеснок В. Ф.
© Издательские решения

Хутор Рассказ

Валерий Фёдорович Чеснок

© Валерий Фёдорович Чеснок, 2018

ISBN 978-5-4493-7859-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда главный редактор городской вечерней газеты историк с краеведческим уклоном то, пиши пропало: газета на треть будет заполнена воспоминаниями пенсионеров, демонстрацией коллекций филателистов, филокартистов, нумизматов; есть собиратели таких экзотических вещей, что им ни в одном словаре не найдешь определения... Но главный не теряется, и при публикации коллекции очередного фаната из тех, что помешаны на собирании гирь, утюгов, автографов известных людей, канализационных крышек, этикеток на пивных бутылках, елочных игрушек, фонарей, кирпичей, оберток от жевательных резинок, он объявляет конкурс среди коллектива редакции на новое определение направления в коллекционерстве, желательно, на латинском или греческом. И тогда появлялись самодеятельные шедевры...

Некоторые определения вошли в научные публикации, авторы и не подозревают, что выпорхнули они из трех маленьких комнатусек, где в двух теснится пять человек коллектива, а в одной восседает редактор, в свою очередь теснимый штабелями папок, книгами, посетителями и предметами, из которых можно было бы составить экспозицию музея районного масштаба.

Но надо отдать должное редактору: он ладит с вышестоящим начальством, коллектив регулярно получает солидные прибавки к зарплатам, газетой стабильно интересуются пенсионеры, домохозяйки, и даже ученая публика из вузов приходит в редакцию со своими трудами и приглашениями поучаствовать в научных конференциях и симпозиумах. К приглашениям редактор относился серьезно, готовит доклады, выступает, но писать о их проведении поручает мне или Нине К.

С Ниной мы одновременно закончили филфак, только она в Москве, а я такой же в Ставрополе. В Нину я влюблен, как и все в нашем коллективе. Высокая, стройная, улыбчивая она с таким вниманием относится к каждому из нас, что даже у женатых, среди нас таких трое, теплится какая-то надежда на исключительное отношение.

Но, увы! Нина украдкой по редакционному телефону звонит в Москву и уже давно всем понятно по вспыхивающему румянцу на щеках, взволнованному шёпоту, что все мы для неё так же далеки как туманность Андромеды от Земли.

– В Москву, в Москву, – входя в редакцию, произносит ответственный за отдел культуры, заядлый театрал Михаил. — Лучше Москвы нет ничего на свете...

– Мне Москва снится каждую ночь, – смеясь, подхватывает Нина.

Михаил с грустью поглядывает на нее, по-видимому, вспоминая свою супругу, которая за пять лет совместной жизни родила ему ребенка, украсила его ветвистыми рогами и пилит отчаянно за каждый утаенный от зарплаты рубль.

– Причем здесь Москва? – ворчит репортер Леонид, самый старейший среди нас, ему за сорок. – Между прочим, по криминальным разборкам столица лидирует среди городов страны.

– Возьми, отвлекись от убийств, пожаров, аварий, наводнений, – говорит ему Михаил, подавая контрамарку в театр. – Не обессудь, галерка; партер – Нине.

Второй июль моей работы в газете такой же жаркий как и в прошлом году. Двое ушли в отпуск – Нина уехала в Москву, Михаил повез жену и сына на море, газета скукожилась до еженедельных выпусков.

Я скучал, ах, лето красное! – жара, запах асфальта, душные кинотеатры, теплое пиво, потные девицы... С трудом написал очерк о центральном рынке, в котором в это летнее пекло потерялся бы и сам Меркурий. Примерился было к нескольким темам, но обычно легко вызываемое чувство свободы, азарта и желания действовать не приходило.

Главный вызвал меня.

– Скучаешь, вижу по материалам... Вот что, поезжай на хутор Н., лучше электричкой, красивые окрестности – река, степь, курганы, сделай лирический очерк в своем стиле и с подтекстом, что есть – есть у нас места, где горожанин может отдохнуть в выходные дни, причем и с пользой для себя расширить кругозор... В черте хутора археологический заповедник, большая экспедиция ведет раскопки, студенты – историки проходят практику. Много всего. Напиши о них обстоятельно, не информативно.

Главный приподнял большую керамическую сову «произведение народного искусства начала XX века» – так он характеризовал пыльный шедевр гостям – вынул из-под нее конверт.

– Передашь директору заповедника, в нем копии документов из архива, ему будет интересно, на конверте его имя-отчество.

– Он собирает что-то? – спросил я.

Главный уловил иронию. Посмотрел на меня сочувственно.

– Он собирает заповедник. Прочти и сам в дороге. От меня привет, скажешь, что к концу месяца навещу взглянуть, что накопили. Возьми редакционную фотокамеру – два-три снимка в номер...

Не заметив ожидаемого энтузиазма, сказал вдогонку.

– Влюбись наконец-то, в экспедиции красивые умные девчата.

И, уже отвлекшись на какие-то бумаги, пробормотал:

– Желательно с филологическим образованием, Нина позвонила – в редакцию уже не вернется.

Ехать более часа. Электричка напоминает коммунальную квартиру: все друг друга знают, здороваются, обсуждают новости, дремлют, влюбляются, смотрят в «телевизоры» – окон с бесконечными, не повторяющимися ландшафтами, вопросы по кроссвордам объявляют громко, переговариваются с продавцами обегаящими вагоны с неподъемными сумками газет и мелких товаров, молча подают монеты просящим. Запомнилась одна – въехала в вагон на коляске, встала, встряхнула грязными юбками и пошла по проходу, протянув жилистую руку, подаваемые деньги тут же исчезали в оборках одежды, показалось, что она их бросает на пол, но нет, только черные пятки мелькают...

Пожилomu певцу в потрепанных джинсах, с гитарой вошедшему в вагон, заказывают песни:

– Николай, давай свою про казачку и казака с конем у колодца... Он театральным жестом откидывает со лба седую прядь и на двух аккордах исполняет песню, расслышать которую уже в середине вагона невозможно за грохотом электрички. Его сменяет гармонист, парень, похоже, студент, поет тихо, клавиши гармошки как стук каблуков.

Мороженщик – сетчатая грязная майка, кепка, топорщися усы, темно-коричневый загар, будто он продает мороженое на пляже, а не бродит по электричкам. В руке – ремень большого ящика из пенопласта, обтянутого цветастой потертой тканью, в проходе он подталкивает ящик коленями, поминутно повторяя:

– Мороженое, мороженое, пломбир, эскимо в шоколаде, рожок «Большой папа», фруктовый лед, мороженое... Кто забыл купить? Выражение лица свирепое, как будто предлагает не мороженое, а орудия пыток.

Большинство – дачники, пенсионеры, со своим вооружением: тяпки и грабли, обмотанные тряпками, сумки с продуктами...

Но вот дверные створки распахивает девушка, оглядывает вагон, улыбка и жест рукой. Показалось, что мне... Нет, увы. Кому-то за моей спиной... Идет по проходу... Как появляются такие шедевры! Конечно, неземного происхождения!... Камера в сумке, не успею, да и неловко. Запомнить – волосы, глаза, полуоткрытые губы, нить мелких бус с зеленым кулоном, пояс на талии, как будто свитый из веревочки, колени... Все, прошла мимо.. Усилием воли стараюсь не обернуться. Электричка притормаживает, оборачиваюсь... Ее нет – перешла в другой вагон или вышла на остановке... Я идиот! Но что, бегать по вагонам... Остался только запах, уже едва уловимый, какие-то цветы... Одно утешение – вытаскивал альбом, стал набрасывать портрет незнакомки. Тетка рядом заглядывает, говорит соседке:

– Ты подивысь, похоже намалював, хлопче. Я ее бачила – гарна дивчина...

Захлопнул блокнот.

Электричка выбралась из тесноты городских кварталов. Еще в городской черте ввалились в вагон рыбаки в сапогах, с рюкзаками, шумно рассаживаются, как будто собираются ехать долго, но через несколько остановок поспешно выходят.

Похоже здесь, под стук колес и завывания электрички – своя налаженная повседневность, где выясняют отношения, завязываются романы, выпивают, ссорятся и мирятся.

Я вспомнил о конверте редактора, открыл – несколько листов – архивных копий, стал перелистывать.

«Записка « О необъяснимых случаях, происходящих в пределах хутора Н..., кои стали причиной нелепых слухов и беспокойств среди как населения хутора, так и прилегающих к оному поселений»

– Ваше превосходительство! В дополнение к прежнему моему докладу сообщаю Вам о событиях имевших быть в означенном хуторе.

По смерти его, пришли женщины, по обычаю обмыть тело. И по их свидетельствам он им показался весьма тяжелым. Они очень удивлялись, почему так отяжелело тело. Привезли гроб, нужно было положить покойника в него. И все кто был в хате, а кроме женщин было и несколько мужчин, не смогли тело с постели переложить в гроб. Позвали соседей, переложили кое-как. И теперь уже не удивлялись и по словам всех, кто там был, беспокойство овладело всеми. Послали за уездным лекарем и священником. Лекарь пришел первым посмотрел как мужчины гроб с телом затаскивают на стол, почесал затылок, удивляясь тому, выпил поднесенной водки и сказал, чтоб скорее несли на кладбище...

Священник, пришедши в дом, послушал разговоры, стал раскладывать необходимое для требы, но, услышав, как стол затрещал под тяжестью гроба, заторопился. Сказал, чтоб мимо церкви гроб не проносили, а несли сразу на кладбище. После ухода батюшки дубовые ножки стола подломились и гроб рухнул на землю. Всеми овладел великий страх, женщины с воплями разбежались, а мужики выпив для храбрости водки поспешно выкопали во дворе рядом с гробом яму сбросили гроб с покойником в нее и засыпали землей. Увидев как едва насыпанный холмик земли просел и поверхность стала ровной они побросав лопаты, разошлись по домам...»

Еще несколько листов. С трудом читаемый почерк:

«...когда узнали о его словах, что умрет в третий день.....в хуторе началось необычное оживление....сочувствующих было столько же сколько и тех, кто отзывался о нем со страхом и даже с ненавистью...»

Не дочитал – редактор в своем амплуа... Любопытно, конечно, фольклорной и сказочной наивностью приправлять повседневность, но все же это так далеко от сегодняшней жизни, что навевает скуку.

Слева за окнами река, справа поселки, то отбегающие от железной дороги, то приближающиеся вплотную – красиво, притягательно, до желания сойти с электрички и продолжить путь пешком вдоль реки, где камышовые прогалины застолбили рыбаки и покачиваются деревянные остроносые лодки.

Полчаса от города и другой мир совершенно непохожий на городскую суетность. Мир, где дома окружены огородами и садами, рядом река, заросли камыша, солнце всходит из-за горизонта, а не пробирается между кварталов многоэтажек. Где молоток, лопата, ножовка, весло в руках не исключительное событие, а привычный труд, по-видимому, необходимый для любого человека, мужчины, разумеется, чтоб сохранить трезвость ума и понимание многоцветности жизненного бытия...

– Пьет сволочь, без удержу, – перебивают мои размышления две женщины напротив, – и все из-за этой шалавы.

– Да он и раньше не просыхал. Что в ней нашел, своих зубов нет, бледная, ноги кривые, спереди доска. ...И поди ж, вцепилась, обтрепанный хвост веером. А жена, хоть за сорок, статная, всем господь наделил, что спереди, что сзади. Ото ж, и жену боится и любовница его за то самое держит... Везде героем хочется быть...

Злые тетки – не дослушал.

Объявили мою остановку. Увидел женщин в белых платочках разного возраста, вышедших тоже с электрички. Наверное, в церковь, поплелся за ними.

Тропа шла вверх по склону, петляя между домами. Оглянулся – прямой линией участок железной дороги, за ней русло реки свободно набрасывавшее петли в просторах дельты, все остальное – дома, сараи, сады, изгороди лепились к склону как вылетевший из улья пчелиный рой.

Тропа вывела на улицу и к площади, где просторно разместилась церковь из красного кирпича. Женщины, крестьясь, потянулись к ней.

Церковь как замковый камень в своде держала все окружающее её пространство. Перекресток нескольких дорог хутора, зданий – администрации с флагом на фронтоне, клуба с четырьмя массивными колоннами, школы с выложенной из кирпича датой на фасаде «1955 г.», магазина с вывеской пряничной расцветки с карикатурным изображением кремля.

Перед магазином дощатый навес, под ним несколько женщин, торгуют – овощи, фрукты, молоко в пластиковых бутылках, творог, куриные тушки, пласты сала, прикрытые марлей.

Между школой и храмом – тенистый зеленый сквер с памятником погибшим в гражданскую и Отечественную войнах. Подошел к женщинам под навесом. Спросил о ценах.

– Знать что так дешево, приехал бы к вам на машине.

Смеются:

– Для тебя со скидкой, но с условием – невесту берешь с нашего хутора.

Женщины словоохотливы:

– Ты, похоже, не из наших дачников. Храм фотографируешь, сними и нас, мы прихожане.

Я расспрашивал о хуторе. Рассказывали охотно. Молодые уезжают в город, а из города дачники понемногу скупают дома или строятся. Мужики браконьерничают или пьют, кладбище пополняется, в основном, из этой категории.

На церковном подворье я присел на лавочку, вытащил блокнот, стал набрасывать эскизы своего путешествия: электрички, мороженщика, реки, деревьев, храма... К тексту я иду через рисунок, пригодилась учеба в художественном училище. Такая вот профессиональная особенность, в рисунке схватываешь детали, которые не уловить фотокамерой, наверное потому, что первое впечатление всегда ярче, откровеннее; чуть позже тускнеет, превращаясь из переживания в факт.

Храм очень красивый, пятиглавый с высокой в три яруса стройной колокольной Проемы звонов всех ярусов колокольни открытые и широкие – далеко над дельтой должен был разноситься звук колоколов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.